Чжу Хэсин был одет лишь в белоснежную нижнюю сорочку. Едва он вышел из внутренних покоев, Сян Мао тут же взял с подноса длинный халат с широкими рукавами нежно-голубого цвета, напоминающего посветлевший после снега рассвет, и накинул ему на плечи, со смешанной с трепетом заботой спрашивая:

— Не голодно ли Вашему Высочеству? Хотите, рабыня велю императорской кухне принести пиалы со сладким супом со льдом?

Стоявший неподалеку евнух почтительно преподнес квадратную шкатулку из красного дерева, украшенную узором из бабочек и цветов. Чжу Хэсин достал оттуда четки из цзююя и надел на правое запястье, бросив небрежно:

— Не нужно.

— Тогда чуть позже рабыня велит отправить свиток назад в княжескую резиденцию, — Сян Мао затянул у него на талии пояс и снова осведомился: — Завтра в какой час Ваше Высочество изволите пожаловать во дворец? Император ждет Вас, чтобы сыграть партию в го.

— Играть в го скучно, — Чжу Хэсин лениво зевнул. — Я хочу пойти погулять.

Сян Мао изумленно ахнул:

— На улице становится жарко, куда же собралось Ваше Высочество?

Чжу Хэсин ответил:

— В Город Чаотянь.

Стоило прозвучать этим словам, как Сян Мао и Ли Шоу одновременно замерли от неожиданности.

— Это… — нерешительно начал Сян Мао. — Покидать столицу в такое время, боюсь, небезопасно.

Взглянув на обломанный серп луны в вышине, Чжу Хэсин усмехнулся:

— Так в этом и весь интерес.

Сян Мао бросил тревожный взгляд в сторону главного зала:

— Боюсь, Его Величество не даст на это согласия.

— Пока никто не проболтался, к тому времени, как Его Величество проснется, я буду уже далеко. Так что… — Чжу Хэсин поднял руку и легко щелкнул евнуха по головному убору. — Если кто-нибудь вздумает меня остановить, я спрошу с тебя.

Сян Мао торопливо прикрыл руками грозящую сорваться круглую шапочку, а его личико отчаянно сморщилось:

— Ваше Высочество, пощадите рабыню! Если в дороге с Вами приключится хоть малейшая беда…

Чжу Хэсин не стал слушать его бесконечные причитания и, сделав шаг, обошел евнуха:

— Господин Ли, следуйте за мной из дворца.

— О… слушаюсь, — Ли Шоу торопливо опустился на колени, отвесил земной поклон в сторону главного зала, а затем быстро поднялся и зашагал вслед за Чжу Хэсином.

Сян Мао выбежал следом за ними из зала Хунъюань, но осмелился лишь замереть под карнизом. Вокруг вздымались высокие нефритовые ступени, тянулась многолистая дворцовая улица. Стройная фигура Чжу Хэсина удалялась вдаль, подол его халата был расшит белыми шелковыми цветами вейцзы, которые покачивались в такт шагам, создавая впечатление, будто каждый его шаг рождает лотосы. Ли Шоу семенил позади, походя на крупный катящийся снежный ком.

*

Два дня спустя наступил малый сезон Сяомань.

Пыльца пробуждающихся костей источала легкий летний аромат.

В Округе Таньчжоу в порту Цинтань Чжу Хэсин поднялся на борт судна, направляющегося в Город Чаотянь.

Город Чаотянь лежал на юго-востоке, имея выход как к речным, так и к сухопутным путям, и бесчисленные торговцы сновали туда-сюда с утра до вечера. Суда у причала Цинтань стояли плотным лесом одно возле другого. Прежде здесь можно было видеть тысячи лодок, заполнявших водную гладь, и клубящуюся дымку оживленной человеческой жизни, однако в последнее время из-за историй о злобных демонах Город Чаотянь закрыл ворота и прекратил торговые дела, так что большинство судов стояло без движения.

Единственное оставшееся судно перед глазами Чжу Хэсина достигало в длину около двадцати чжанов, его нос и корма напоминали огромных рыб-куньпэн, борта были украшены тиснением из темного золота, а лакированный корпус ярко блестел на солнце. На носу развевался черный

флаг с вышитым на нем иероглифом Фан, указывая, что корабль принадлежит семье Фан из Таньчжоу.

В двухэтажной пассажирской надстройке насчитывалось всего двенадцать кают. Младший слуга проводил Чжу Хэсина в каюту в средней части второго этажа, на двери которой висела темно-золотая дощечка с вырезанным словом Большой снег.

Чжу Хэсин родился как раз в день Большого снега и терпеть не мог это название.

— Смените мне каюту.

Слуга с виноватым видом произнес:

— Остальные каюты уже полностью заняты…

Звук упавшего на пол предмета прервал его. Оглянувшись, они увидели юношу с дорожной сумой через плечо, стоявшего у самого входа на лестницу. Его брови и глаза были завязаны трехпальцевой черной узорчатой лентой. Юноша нагнулся, чтобы подобрать уроненный свиток, но с первого раза нащупал лишь пустоту.

Слуга только было хотел броситься на помощь, как шедший рядом с ним гость уже скользнул вперед бесшумно, точно легкий летний ветерок.

Чжу Хэсин присел на корточки, не давая свитку развернуться дальше. Взглянув на отчетливо проступившие на бумаге величественные синие горы и кружащихся цветных сорок, и особенно на начертанные рядом иероглифы Удивленная сорока, он почувствовал, как в сердце промелькнуло восхищение.

Прекрасный почерк, источавший неземную легкость.

Правая рука юноши продолжала шарить по полу. Ладонь у него была очень белой, а у основания большого пальца темнела крошечная родинка.

Чжу Хэсин отвел взгляд и аккуратно свернул свиток обратно, заметив, что у того нет завязки. Поднявшись, он произнес:

— Ваша картина здесь.

Услышав голос, юноша выпрямился, протянул руку, коснулся подола халата Чжу Хэсина, а затем нащупал выше сам валик. Приняв картину, он облегченно выдохнул и тут же затараторил:

— Спасибо!

— Вам следовало завязать ее лентой, — заметил Чжу Хэсин.

Юноша при этом слегка наклонил голову. Его волосы были собраны наполовину и подвязаны тонкой лентой с золотой вышивкой.

— Когда я поднимался на борт, меня кто-то толкнул, шпилька упала в воду, и мне пришлось развязать завязку, чтобы заколоть волосы, — пояснил он.

— Вот оно что, — кивнул Чжу Хэсин.

В этот момент младший слуга шагнул вперед и укоризненно осведомился:

— Почему же никто не проводил вас наверх? — Он почтительно поклонился и виновато добавил: — Это наша недоработка, прошу вас простить!

Юноша принялся торопливо махать руками, отчего прядки у него на лбу затрепетали:

— Ничего страшного, абсолютно ничего страшного, я сам так захотел. Я уже плавал на этом корабле и дорогу знаю. — Он чуть подался в сторону, указывая подбородком направление: — Моя каюта Сильные морозы находится в самом конце.

— Не окажете ли любезность прихватить попутчиком и меня? На судне свободной осталась лишь каюта Большой снег, а я терпеть не могу этот день, — Чжу Хэсин смягчил тон, стараясь говорить дружелюбно и даже несколько жалобно. — Обещаю молчать, не шуметь и вам не докучать.

— Ничего страшного, можете и разговаривать, и шуметь, — ответил юноша.

Он мордочкой сморщил носик, выражая полную солидарность:

— Я тоже ненавижу дни, когда идет снег! Когда я садился, весь первый этаж был уже забит, выбирать не приходилось, хотя в некоторых местах в день Сильных морозов снег вовсе не выпадает.

Чжу Хэсин ненавидел лишь сам день под названием Большой снег, но к самому снегу враждебности не испытывал — снег был красив, особенно когда на белизне проступали капли алой крови. Сделав шаг назад, он попросил:

— Прошу вас, укажите дорогу.

Услышав это, юноша невольно выпятил грудь. Весь он теперь походил на упругий и надежный бамбук, переполненный гордостью от оказанного доверия:

— Идемте за мной!

Чжу Хэсин шел следом за юношей, замечая, что длина каждого его шага неизменно оставалась одинаковой, а сам он тихонько бормотал что-то себе под нос, словно вел счет. И впрямь, когда они дошли до двери с надписью Сильные морозы, юноша остановился:

— Тридцать восьмой шаг, мы на месте.

Обхватив картину рукой, он повернулся к Чжу Хэсину:

— Прошу вас, входите.

Прямо напротив двери у окна стоял низкий столик, по обе стороны от которого лежали по две квадратные подушки, расшитые золотыми нитями. Чжу Хэсин опустился на сиденье напротив юноши, и в тот момент, когда он опустил руки, из рукава выскользнули четки из цзююя, обнажая ярко-алый кисточки.

У окна на низком столике стояла белая глазурованная ваза с широким горлышком, в которую были вотставлены две ветки саяньхэбая. Рядом расположился чайный сервиз, и юноша доброжелательно предложил:

— Если захотите чаю, можете вскипятить воду — чайные коробочки стоят на деревянной полке позади, либо позвать слугу, чтобы он принес кувшин. На корабле продается и другая еда и питье, много всего.

Чжу Хэсин спросил в ответ:

— А вы?

http://bllate.org/book/30299/3694271